

От редколлегии

Редколлегия журнала «Письменные памятники Востока» открывает рубрику «История в лицах (из новейшей истории Азиатского музея — Института восточных рукописей РАН)». Она включает серию очерков о коллегах — наших старших современниках, работавших в нашем институте в 50–90-е годы XX в. Они оставили свой след в науке и передали новым поколениям исследователей верность традициям Азиатского музея. Численность ушедших за полвека коллег примерно вдвое превышает состав ныне работающих научных сотрудников. Празднование 190-летия Азиатского музея — веский повод для того, чтобы вспомнить поименно всех, кто еще недавно составлял основу Института, определял направления его деятельности, воплощал результаты фундаментальных исследований в первоклассных монографиях и открытиях мирового уровня. Краткие очерки включают биографические сведения об ученом, основные направления его научной деятельности, главные публикации, отмечают его вклад в науку (создание научной школы, нового направления и т.д.). Редколлегия приглашает авторов присылать рассказы об ушедших востоковедах. Публикация дальнейших материалов предполагается по мере их поступления в последующих выпусках журнала.

Канат Калашевич Курдоев¹

(1909–1985)

Канат Калашевич Курдоев — крупнейший ученый-востоковед, в течение четверти века (1960–1985) осуществлявший руководство коллективом курдоведов ЛО ИВ АН СССР, автор многочисленных трудов по языку, литературе, истории и этнографии курдов.

Начало научной деятельности К.К. Курдоева относится к 50-м годам прошлого века, когда он был зачислен в штат Института на должность старшего научного сотрудника Иранского кабинета.

Организация в 1956 г. Ленинградского отделения ИВ АН СССР открыла перед курдоведением широкие перспективы. 28 февраля 1959 г. его первый заведующий академик И.А. Орбели издал приказ: «Учитывая необходимость выработки четкого плана работы Отделения по курдоведению... приказываю выделить с 1 марта 1959 г. группу курдоведов, числящихся в Иранском кабинете, в самостоятельную в организационном отношении группу под моим руководством, возложив на эту группу разработку всех проблем, связанных с изучением истории, культуры и языка курдского народа». С этого времени Кабинет, позже переименованный в Группу, стал ведущим в мировой науке центром курдоведческих исследований, с образованием которого начался новый этап в истории развития отечественного курдоведения.

Спустя год после создания руководство Кабинетом было поручено К.К. Курдоеву, сумевшему в кратчайшие сроки организовать его деятельность по разработке основных направлений курдоведения. Осуществляя руководство коллективом специали-

¹ Статья подготовлена по материалам: *Курдоев К.К.* Курдоведение // Азиатский Музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М., 1972. С. 386–399; *Васильева Е.И., Мусаэлян Ж.С., Юсупова З.А.* Курдоведение в ЛО ИВ АН СССР (1956–1986) гг. // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. М., 1986. С. 48–69, а также по личным воспоминаниям автора этих строк.

стов, К.К. Курдоев одновременно вел широкую научную работу, основным направлением которой стало изучение курдского языка. Труды К.К. Курдоева в этой области заложили основу курдского языкознания, а его научное наследие включает академические грамматики курдского языка, сравнительно-диалектологические исследования, лексикографические изыскания, словари. Труды К.К. Курдоева открыли новую страницу в курдоведении, оказав большое влияние на развитие этого направления востоковедения как в нашей стране, так и за рубежом.

Научная деятельность К.К. Курдоева была многогранной. Наряду с исследованием языка он занимался изучением курдской литературы, народного творчества, вопросами истории, курдской периодической печати и этнографии. В широкий круг интересов К.К. Курдоева входили и вопросы, связанные с историей отечественного курдоведения. Под его руководством в Кабинете постоянно велась библиографическая работа.

Велика роль К.К. Курдоева в подготовке научных кадров. Его многочисленные ученики, прошедшие курс аспирантуры при ЛО ИВ АН, успешно работают в востоковедных центрах нашей страны и за ее пределами. В годы руководства Кабинетом К.К. Курдоева заметно расширились контакты с зарубежными курдоведами Германии, Франции, Швеции, Сирии, Ирака, что способствовало укреплению научных связей, подготовке в стенах ЛО ИВ АН курдоведческих кадров. В зарубежных изданиях публиковались труды наших коллег и, в особенности, фундаментальные работы К.К. Курдоева.

Научная и педагогическая деятельность К.К. Курдоева — основоположника отечественного курдоведения — получила международное признание. Он был избран действительным членом Курдской академии наук Ирака и почетным членом Курдского института в Париже.

Перу К.К. Курдоева принадлежат более ста публикаций, включающих статьи и монографии по курдскому языку и литературе. Наиболее важные среди них:

1. Грамматика курдского языка (курманджи). М., 1957.
2. Курдско-русский словарь. М., 1960.
3. Грамматика курдского языка на материале диалектов курманджи и сорани. М., 1978.
4. Курдско-русский словарь (сорани). Совм. с З.А. Юсуповой. М., 1983.
5. История курдской литературы (на курд. яз.). Ч. I–II. Стокгольм, 1983–1985.
6. Сборник курдского фольклора (на курд. яз.). Багдад, 1972.
7. О религиозных письменных и устных текстах курдов-езидов // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. IX. М., 1973.
8. Учебник курдского языка (на курд. яз.). Ереван, 1960.

З.А. Юсупова

Маргарита Борисовна Руденко

(1926–1976)

Имя Маргариты (Седы) Борисовны Руденко известно в российском и зарубежном востоковедении. Обладая огромным талантом, неиссякаемой энергией и темпераментом, неистощимой работоспособностью, безграничной преданностью науке, она за свою короткую жизнь успела столько, что кажется непосильным осуществить одно-

му человеку. Она создала новое направление в курдоведении — изучение курдской средневековой литературы по рукописным памятникам.

М.Б. Руденко родилась в г. Тбилиси (Грузия) в семье известного ученого-грузиноведа Б.Т. Руденко. В 1946 г. она поступает на кафедру иранской филологии восточного факультета Ленинградского государственного университета, который заканчивает в 1951 г. Когда в этом же году она поступает в аспирантуру Ленинградского отделения Института востоковедения, ее внимание привлекает поэма выдающегося курдского поэта XVII в. Ахмеда Хани «Мам и Зин», ставшая темой ее кандидатской диссертации (под руководством видного ученого К.К. Курджоева). Впервые в мире ею был осуществлен перевод поэмы на другой язык, и этим языком стал русский. Издание и исследование обнаруженной М.Б. Руденко в середине 50-х годов в Государственной публичной библиотеке уникальной коллекции курдских рукописей, собранной в середине XIX в. русским консулом в Эрзеруме А. Жаба, стало делом ее жизни. Ею опубликован первый в истории курдоведения каталог курдских рукописей². М.Б. Руденко открыла для науки ряд имен и памятников средневекового периода: поэму Факи Тейрана (XIV в.) «Шейх Сан'ан», поэму Хариса Битлиси (XVIII в.) «Лейли и Меджнун», поэму Селима Слемана (XVI в.) «Юсуф и Зелиха»³. Своими работами М.Б. Руденко воссоздала целые разделы в истории средневековой курдской литературы. Поэма Селима Слемана заполнила обширную лакуну в истории курдской литературы XVI в. (по этой теме в 1973 г. она успешно защитила докторскую диссертацию). М.Б. Руденко автор многих статей по истории курдской классической литературы⁴: «К вопросу о курдской литературе»; «Неизвестные стихи Ахмеда Хани»; «Неопубликованные стихи курдских поэтов» и др.

Особое место занимает «Курс лекций по средневековой курдской литературе», прочитанный на восточном факультете Ереванского университета в апреле 1970 г., хранящийся в Архиве востоковедов Института восточных рукописей РАН. Такой курс лекций (350 с. рукописи) разрабатывался в нашей стране впервые. Это был первый опыт, впервые делалось осмысление накопленных знаний. Многие мысли и выводы рассеяны в изданных М.Б. Руденко работах. Однако здесь все собрано воедино, сконцентрировано, подытожено. Эти лекции, иллюстрированные множеством примеров из курдской средневековой поэзии, могут стать ценным пособием для изучения курдской литературы. В настоящее время эта работа готовится к печати.

Выявляя в своих работах тесную взаимосвязь и взаимовлияние курдской литературы и фольклора, М.Б. Руденко постоянно интересовалась богатым и многообразным народным творчеством курдов, собирала и издавала эпос, сказки, пословицы и поговорки⁵. В ряде ее работ затрагиваются этнографические вопросы: о курдской свадьбе, о новогоднем празднике, о нравах и обычаях курдов и др.

Яркая представительница русской школы востоковедения, основоположница изучения курдской классической литературы, М.Б. Руденко внесла огромный вклад в раз-

² Руденко М.Б. Описание курдских рукописей ленинградских собраний. М., 1961.

³ Факи Тейран. Шейх Сан'ан / Критич. текст, пер., примеч. и предисл. М.Б. Руденко. М.: ГРВЛ, 1965; Харис Битлиси. Лейли и Меджнун / Пер., предисл. и примеч. М.Б. Руденко. М.: ГРВЛ, 1965; Руденко М.Б. Литературная и фольклорные версии поэмы «Юсуф и Зелиха». М.: ГРВЛ, 1986.

⁴ Руденко М.Б. К вопросу о курдской литературе // Исследования по истории культуры народов Востока: Сб. в честь акад. И.А. Орбели. М.—Л., 1960. С. 433–440; она же. Неизвестные стихи Ахмеда Хани // Народы Азии и Африки. 1961, № 3. С. 160–167; она же. Неопубликованные стихи курдских поэтов // Вост. сб. 1972, № 3. С. 111–137 и др.

⁵ Курдские народные сказки / Запись текстов, пер., предисл. и примеч. М.Б. Руденко. Типологический анализ сюжетов и мотивов А.А. Яскеляйн. М.: ГРВЛ, 1970; Курдские пословицы и поговорки / Собрали и перевели К.К. Курджоев и М.Б. Руденко // Пословицы и поговорки народов Востока. М.: ИВЛ, 1961. С. 330–339.

витие отечественного курдоведения. Самоотверженно и влюбленно служила она науке, до последних дней не прекращая научной деятельности, готова к изданию книги «Юсуф и Зелиха» и «Курдская обрядовая поэзия»⁶. Природный талант и ум, яркая индивидуальность, исключительное трудолюбие позволили Маргарите Борисовне Руденко многое сделать за свою недолгую, трагически оборвавшуюся жизнь.

Ж.С. Мусаэлян

Вадим Александрович Ромодин (1912–1984)

В.А. Ромодин — специалист по истории, историографии и источниковедению, истории культуры Афганистана и Средней Азии — родился в г. Пишпек Семиреченской области. В 1930–1937 гг. учился в Ленинградском морском техникуме и служил в торговом флоте штурманом дальнего плавания. В 1937 г. был репрессирован, арестован и находился под следствием НКВД Киргизской ССР. В мае 1939 г. был освобожден и полностью реабилитирован. В октябре 1939 г. поступил на Исторический факультет МГУ. Во время Великой Отечественной войны служил военным переводчиком на 3-м Белорусском фронте, был награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны II степени, медалями. В 1946 г. демобилизован в звании старшего лейтенанта и продолжил занятия в университете. В 1948 г. окончил Восточное отделение Исторического ф-та МГУ, а в 1951 г. — аспирантуру при Кафедре истории стран Среднего Востока (под руководством проф. И.М. Рейснера), защитил кандидатскую диссертацию на тему «Социально-экономический строй юсуфзайских племен в XIX в.»⁷.

С 1952 г. являлся сотрудником АН СССР — сначала работал в Институте востоковедения в Москве, затем в 1955 г. был переведен в Ленинград, в Группу по изучению истории киргизов и Киргизии Сектора восточных рукописей. С этого времени и до своей кончины работал в Ленинградском отделении ИВ АН СССР, где был включен в состав Иранского кабинета. В.А. Ромодин вел научно-исследовательскую работу в двух основных направлениях. Первое — история народов Средней Азии в позднее средневековье и в новое время (ряд статей об источниках по истории Ферганы и Кокандского ханства, «Введение» и публикация переводов с персидского языка исторических сочинений в 1-м выпуске «Материалов по истории киргизов и Киргизии»⁸, публикация источника по истории Кокандского ханства начала XIX в.⁹ и др.). Второе и основное направление работы Вадима Александровича составляло исследование истории и истории духовной культуры Афганистана, причем особое внимание он уделял вопросам изучения восточных источников. Он внес крупный вклад в исследование и введение в науку такого важнейшего памятника, как официальная история Афганистана «Сирадж ат-таварих». Им опубликован целый ряд статей по этнической, социальной, политической истории, истории общественной мысли Афганиста-

⁶ Руденко М.Б. Курдская обрядовая поэзия: (Похоронные причитания). М., 1982.

⁷ Социально-экономический строй юсуфзайских племен в XIX в.: (Сравнительно с другими афганскими племенами). В 2-х т. М., 1951; Автореф.: М., 1951.

⁸ Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. 1. М., 1973.

⁹ Записки Филиппа Назарова о некоторых народах и землях средней части Азии. М., 1968.

на, в соавторстве с В.М. Массоном написан двухтомный обобщающий труд «История Афганистана»¹⁰ — первое в отечественной литературе исследование такого рода. Затем вышли в свет его монография «Очерки по истории и истории культуры Афганистана»¹¹, обширная глава «Новое время» в коллективном труде по истории Афганистана¹², посмертно издана книга «Афганистан во второй пол. XIX — начале XX в. Официальная история и историография»¹³.

Перу Вадима Александровича принадлежат статьи и разделы об изучении Афганистана и Средней Азии в трудах по истории отечественного востоковедения, в различных учебниках, справочниках, энциклопедиях.

Преподавательская деятельность В.А. Ромодина охватывала чтение лекционных курсов по истории, географии, историографии и источниковедению Афганистана в Московском институте востоковедения (1948–1949) и на Восточном факультете ЛГУ — на кафедре иранской филологии (в 1957–1959 гг.) и на кафедре истории стран Ближнего Востока, на отделении истории Афганистана (с 1969 г., на протяжении 70-х — начала 80-х годов), а также руководство аспирантами и соискателями ЛО ИВ АН и ЛГУ. Ученики Вадима Александровича работают в академических учреждениях и университетах Петербурга, Москвы, Средней Азии.

С 1956 г. Вадим Александрович входил в Бюро Восточной комиссии Географического общества СССР, участвовал в ее научной и издательской деятельности, выступал ответственным редактором и автором в выпусках сборников «Страны и народы Востока», посвященных Средней и Центральной Азии.

В.А. Ромодин внес существенный вклад в изучение истории Центральной Азии и был признанным знатоком источников и литературы по этому региону, работавшим в русле классических традиций отечественного востоковедения, восходящих к трудам академика Б.А. Дорна.

При написании статьи использованы материалы Архива востоковедов ИВР РАН (Ф. 152. Оп. 3, ед. хр. 846). Дополнительные сведения и литературу о нем см.: *Милибанд С.Д.* Библиографический словарь отечественных востоковедов с 1917 г. 2-е изд. Кн. II. М., 1995.

Н.Л. Лужецкая

Оранский Иосиф Михайлович (1923–1977)

И.М. Оранский — видный иранист, чьи работы сыграли значительную роль в развитии иранистики (особенно в России и в Таджикистане), родился 24 апреля 1923 г. в Петрограде и умер от сердечного приступа 16 мая 1977 на своем рабочем месте в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР (Азиатский музей, ныне Институт восточных рукописей РАН).

¹⁰ *Массон В.М., Ромодин В.А.* История Афганистана. Т. 1. С древнейших времен до начала XVI века. М., 1964; Т. 2. Афганистан в новое время. М., 1965.

¹¹ *Ромодин В.А.* Очерки по истории и истории культуры Афганистана. Середина XIX — первая треть XX в. М., 1983.

¹² *Ромодин В.А.* История Афганистана. М., 1982.

¹³ *Ромодин В.А.* Афганистан во второй пол. XIX — начале XX в. Официальная история и историография. М., 1990.

Его учеба в Ленинградском университете была прервана войной. В сентябре 1941 г. он ушел добровольцем на фронт, рядовым бойцом саперного батальона сражался на Ленинградском и Волховском фронтах, а после контузии служил телефонистом полевого эвакуационного пункта. В 1943–1944 гг. И.М. Оранский командовал железнодорожной летучкой, перевозившей раненых с линии фронта в тыл.

После демобилизации в мае 1945 г. И.М. Оранский вернулся в Университет на вновь воссозданный в 1944 г. Восточный факультет. В Университете он вел большую общественную работу как председатель Студенческого научного общества, в 1948 г. с отличием окончил факультет, получил диплом востоковеда-филолога по иранской филологии и поступил в аспирантуру по специальности «Афганский язык» к чл.-корр. Академии наук А.А. Фрейману. Одновременно с работой над диссертацией И.М. Оранский преподавал на Восточном факультете.

В студенческие и аспирантские годы сложился научный кругозор и сформировался обширный диапазон научных занятий И.М. Оранского: история иранистики, история преподавания персидского и других иранских языков, история самих этих языков, грамматика, диалектология, этимология. Именно эта широта знаний и позволила ему подготовить фундаментальное «Введение в иранскую филологию»¹⁴ — классический труд, с которого начинают свое образование все иранисты.

После защиты в 1951 г. кандидатской диссертации об афганском глаголе И.М. Оранский был приглашен на работу в Таджикистан. Там он преподавал в различных высших учебных заведениях, а также вел научную работу и полевые исследования. Тогда же он сделал крупнейшее открытие в индоиранской филологии, обнаружив в Гиссарской долине около Душанбе носителей оставшегося доселе неизвестным индоарийского языка парья. На основании собранных в эти годы материалов И.М. Оранский написал исследование «Индоиранские диалекты Гиссарской долины», которое в 1967 г. защитил как докторскую диссертацию.

В 1959 г. И.М. Оранский перешел на работу в Ленинградское отделение Института востоковедения, где трудился до последнего дня своей жизни. В эти годы помимо названного «Введения...» им были опубликованы главные труды его жизни, которые подводят итог всей деятельности отечественной иранистической школы, основанной К.Г. Залеманом и А.А. Фрейманом, талантливым и верным учеником которых был сам И.М. Оранский¹⁵.

В монографии, посвященной гиссарским парья, И.М. Оранский опубликовал обширные материалы по этому индоарийскому языку и показал, что он наиболее близок к диалектам группы пенджаби-лахнда¹⁶. Помимо исследования языка парья И.М. Оранский собирал также материалы по таджикским диалектам и профессиональным аргам Средней Азии, которые были опубликованы посмертно¹⁷.

Целый ряд публикаций И.М. Оранского посвящен истории развития иранской филологии в нашей стране. Он также пропагандировал достижения отечественной иранистики за рубежом, участвуя в различных библиографических публикациях. В 1975 г. на немецком языке в издательстве «Mouton» вышел его двухтомный справочник, посвященный новоиранским языкам¹⁸.

¹⁴ Оранский И.М. Введение в иранскую филологию. М., 1960. Изд. 2-е. М., 1988; на перс. яз., Тегеран, 1979.

¹⁵ Оранский И.М. Иранские языки. М., 1963; на итал. яз., Неаполь, 1973; на франц. яз., Париж, 1977; на перс. яз., Тегеран, 1990.

¹⁶ Оранский И.М. Фольклор и язык гиссарских парья (Средняя Азия). Введение, тексты, словарь. М., 1977.

¹⁷ Оранский И.М. Таджикоязычные этнографические группы Гиссарской долины (Средняя Азия). Этнолингвистическое исследование. М., 1983.

¹⁸ Oранский I.M. Die neuiranischen Sprachen der Sowjetunion. Bd. 1–2. The Hague — Paris, 1975 (Janua Linguarum. Series Critica, 12).

Большое значение имеет также его статья о происхождении древнеперсидской клинописи¹⁹. Более двух десятков статей и заметок посвятил И.М. Оранский различным вопросам иранской этимологии. Он разъяснил иранское происхождение целого ряда слов в финноугорских, семитских, тюркских и славянских языках, а также открыл ряд слов индоарийского происхождения в таджикском.

Все свои публикации И.М. Оранский готовил чрезвычайно тщательно, он очень переживал, когда издательские редактора правили его стиль и даже составил инструкцию, как уменьшить наносимый ими «вред». Несколько его статей посвящены общим проблемам иранистики и востоковедения.

Полная библиография опубликованных работ И.М. Оранского имеется во втором издании «Введения в иранскую филологию» (М., 1988, с. 376–383).

И.М. Стеблин-Каменский

Нина Викторовна Пигулевская (1894–1970)

Н.В. Пигулевская (урожд. Стебницкая) родилась 1 января 1894 г. в Петербурге. Украинско-польский род Стебницких, из которого она происходила, дал нашему отечеству немало известных ученых.

Среднее образование Н.В. Пигулевская получила в частной гимназии М.Н. Стоюниной, которую она окончила в 1911 г. с золотой медалью. Осенью 1912 г. Нина Викторовна поступила на историко-филологический факультет Высших женских (Бестужевских) курсов. Там она училась у И.М. Гревса (средневековая история), О.А. Добиаш-Рождественской (латинская палеография), Ф.Ф. Зелинского (античная история и словесность), И.Д. Андреева и А.В. Карташева (история церкви и идейных течений раннего средневековья). Под влиянием последних Н.В. Пигулевская выбрала для себя редкую область научных занятий — историю раннехристианской и византийской церкви. Поставив перед собой задачу изучения столь сложного явления, Нина Викторовна вскоре поняла необходимость усвоения восточных языков — древнееврейского и сирийского. Курсы этих языков она прослушала у гебраиста М.Н. Соколова и сиролога А.П. Алявдина, памятники Библии с ней читал и комментировал академик П.К. Коковцов. П.К. Коковцов оказал огромное влияние как на формирование научных интересов Нины Викторовны, так и на методы и стиль ее работы, когда выводы основываются на точном филологическом анализе источников. Таким образом, в 1918–1922 гг. Н.В. Пигулевская, занимаясь на восточном, с 1920 г. — на факультете общественных наук университета, получила второе высшее образование, которое ей очень пригодилось в будущей работе исследователя (историка) Востока.

Успехи в избранной Н.В. Пигулевской научной области подтверждаются ее ранними работами. Сохранившиеся в рукописях и находящиеся ныне в Архиве АН доклады, статьи и конспекты посвящены анализу источников по истории раннего христианства: апокрифическим «Одам Соломона», проблеме авторства Евангелия от Иоанна, теме «Иисус Христос и „народ земли“ в Евангелии и апостольской пропо-

¹⁹ *Оранский И.М.* Несколько замечаний к вопросу о времени введения древнеперсидской клинописи // Вестник древней истории. 1966, № 2. С. 107–116.

веди». Лишь последняя из названных работ была посмертно опубликована, правда с измененным по цензурным соображениям заглавием: «Из истории социальных и религиозных движений в Палестине в римскую эпоху». Многие наблюдения Нины Викторовны, изложенные в этих работах, можно встретить в современных научных штудиях. Но некоторые из проблем, поднятых Н.В. Пигулевской (например, вопрос о языке оригинала «Од Соломона»), до сих пор не решены окончательно.

Ранние работы Н.В. Пигулевской отличаются стремлением выявить в источниках отражение важнейших социальных явлений, что было вызвано бурными событиями в окружающем мире. Желанием понять новую жизнь, приспособиться к ней можно объяснить и ее вступление в просветительский кружок А.А. Мейера «Воскресенье». Он возник в конце 1917 г. и стал идеологическим преемником «левого» крыла Петербургского религиозно-философского общества (1907–1917). «Воскресенье» ставило задачу преодоления духовного разрыва между интеллигенцией и народом, пыталось соединить христианство и идеи социализма, старалось работать среди молодежи, пропагандируя и отстаивая христианские ценности. Несмотря на мирную программу поисков путей возрождения общества, организация была сочтена контрреволюционной, почти все ее члены были арестованы и приговорены к различным срокам лагерей. Н.В. Пигулевская была арестована 11 декабря 1928 г., получила срок 5 лет, была отправлена на Соловки и работала там регистратором Учраспредотдела до 1931 г., когда в результате приобретенной в лагере болезни была актирована и переведена на поселение в Архангельск. Благодаря помощи близких Нина Викторовна уже в Архангельске стала получать научную литературу и возобновила исследовательскую работу. Лишь в 1934 г. она вернулась в Ленинград.

Еще до окончания университета Н.В. Пигулевская поступила на работу в Государственную Публичную библиотеку, в отдел рукописей на должность хранителя восточных рукописей. Следуя совету П.К. Коковцова, она обратила внимание на малоизученные, а то и просто неизвестные сирийские рукописи. С этого времени, с описания сирийских рукописей и их изучения начался путь Н.В. Пигулевской в качестве сиролога. Результаты ее деятельности могут быть сведены к двум основным положениям. Труды Н.В. Пигулевской впервые в мировой науке показали сирийскую культуру во всем ее объеме и полноте. Она впервые оценила важность сирийских источников для истории христианской церкви, осознала и продемонстрировала то, что многие культурные и идеологические явления разноязычного христианского мира, существующие теперь уже около двух тысяч лет, уходят корнями в сирийскую почву. В 1941 г. Нина Викторовна опубликовала обобщающую статью по сирологии, которая содержала пока единственную в исторической науке развернутую характеристику сирийской культуры средневековья и ее роли в общем процессе развития человечества²⁰. Углубленному исследованию всех затронутых в статье проблем должна была быть посвящена книга Н.В. Пигулевской «Культура сирийцев в средние века». К сожалению, книга осталась незавершенной, некоторые ее разделы Нина Викторовна не успела написать. Но и изданная после ее смерти в неполном виде, монография вызвала большой резонанс в научном мире и теперь уже переведена на польский и арабский языки²¹. Еще в 1965 г. Н.В. Пигулевская изложила замысел книги в тезисах «Вклад сирийцев в мировую культуру», которые представляют разностороннюю и детально разработанную программу деятельности в области сирологии, рассчитанную на многие годы.

²⁰ Пигулевская Н.В. Сирийская культура средних веков и ее историческое значение // Советская наука. 1941, № 2. С. 28–38.

²¹ Пигулевская Н.В. Культура сирийцев в средние века. М.: ГРВЛ, 1979.

Не менее полная программа исследований была предложена Н.В. Пигулевской в докладе «Византия и Восток», прочитанном на сессии Отделения истории и философии АН в 1944 г. Определяя положение средневековой Византии «как золотого моста между Востоком и Западом, смыкающего азиатский и европейский берега Босфора», она констатировала, что весь возникший из-за этого географического фактора «комплекс связей и отношений создал исключительное своеобразие и неповторимую историю». По мнению Н.В. Пигулевской, это открывало большие перспективы для исследования такого уже давно освоенного дореволюционной наукой, но прочно забытого после 1917 г. явления, как «христианский Восток». Нина Викторовна сама активно включилась в работу по воплощению в жизнь изложенных в докладе замыслов. В 40–60-х годах XX в. выходят ее книги «Византия и Иран на рубеже VI и VII веков», «Византия на путях в Индию», «Города Ирана в раннем средневековье», «Арабы у границ Византии и Ирана»²². Базирующиеся на комплексном изучении разноязычных (греческих, латинских, сирийских, арабских, иранских) и разножанровых (историография, агиография, патристика, юридические документы, надписи) источников, эти книги нарисовали яркую картину постоянных в период средневековья внешнеполитических, социально-экономических, культурных и духовных связей между Востоком и Западом.

Для успешного претворения в жизнь работы по изучению христианского Востока Н.В. Пигулевская создала в Институте востоковедения уникальный коллектив, официально зарегистрированный в 1958 г. как Кабинет Ближнего Востока. В него вошли ее коллеги и ученики, специалисты по кумрановедению, истории эллинистического Ближнего Востока, сабеистике и южноаравийской цивилизации, иранистике и сириологии. При Кабинете прошли подготовку многие специалисты по истории христианства в Закавказье и Средней Азии.

Говоря о роли Н.В. Пигулевской в деле изучения восточно-христианского наследия, нельзя не вспомнить и то, что с 1950 г., когда Президиум АН принял решение об активизации деятельности Палестинского общества, Нина Викторовна вплоть до своей кончины в 1970 г. была его бессменным вице-председателем и организатором научной работы. В течение почти двух десятилетий она выполняла обязанности ответственного редактора «Палестинского сборника», который сама же и возобновила. При ее жизни было подготовлено 24 выпуска сборника, содержащих статьи и монографии.

Всего Н.В. Пигулевской опубликовано более 180 работ (в том числе около десятка монографий). Последняя, посмертная, публикация датируется 2000 г.²³

Е.Н. Меццерская

Леонид Сергеевич Пучковский (1899–1970)

Л.С. Пучковский родился 9 ноября (по новому стилю) 1899 г. в г. Юрьеве Лифляндской губернии (ныне г. Тарту, Эстония) в семье приват-доцента (впоследствии профессора) Юрьевского ветеринарного института Сергея Ефимовича Пучковского.

²² *Пигулевская Н.В.* Византия и Иран на рубеже VI и VII веков. Л.: АН СССР, 1946 (Труды Ин-та востоковедения. Т. 46); *она же.* Византия на путях в Индию: из истории торговли Византии с Востоком в IV–VI вв. М.–Л.: АН СССР, 1951; *она же.* Города Ирана в раннем средневековье. М.–Л.: АН СССР, 1956; *она же.* Арабы у границ Византии и Ирана в IV–VI вв. М.–Л.: АН СССР, 1964.

²³ *Пигулевская Н.В.* Сирийская средневековая историография. М.: Наука, 2000.

Среднюю школу окончил в г. Чернигове, после чего поступил в Черниговский Учительский институт. Однако с семьей отца (профессора Донского ветеринарного института) был вынужден переехать в г. Новочеркасск, где начинал учиться в трех различных вузах, но ни одного из них не закончил: первые два раза — из-за тяжелой болезни (тиф), в третий раз — по причине переезда с семьей отца в г. Воронеж. Одновременно с учебой на правовом отделении факультета общественных наук Воронежского государственного университета работал в Воронежском губернском Совете народных судей, далее в Особой Сессии по важнейшим делам, а затем в Воронежском губернском суде.

Осенью 1923 г. перевелся в Ленинградский государственный университет, где в 1925 г. окончил правовое отделение факультета общественных наук. В том же году поступил в Ленинградский институт живых восточных языков на Китайский разряд, где учился два года, вместе с тем посещая лекции проф. Б.Я. Владимирцова, проф. Г.Е. Грум-Гржимайло и других преподавателей Монгольского разряда института.

В 1927 г. Л.С. Пучковский отправился в г. Кяхту (в те времена Бурят-Монгольская АССР), где жил в бурятской семье, изучая монгольский и бурятский языки. На следующий год переехал в Улан-Батор, где продолжал изучение монгольского языка (разговорного и письменного) с преподавателем-монголом. И в Кяхте, и в Улан-Баторе Л.С. Пучковский работал в школе. Весной 1929 г. по предложению Комитета наук МНР он поехал в отдаленный район Гурбан Сайхан Южно-Гобийского аймака, где работал в качестве наблюдателя на впервые установленной метеорологической станции. Непосредственно общаясь с местным населением, сделал ряд фольклорных и лингвистических записей, а также собрал небольшие коллекции археологического и этнографического характера. Все эти материалы были переданы в Комитет наук МНР. Осенью 1930 г. принял участие в экспедиции Комитета наук по обследованию засушливых районов на юге МНР, в продолжение всего пути вел метеорологические наблюдения.

Вернувшись осенью того же года в Ленинград, поступил в Ленинградский государственный историко-лингвистический институт (ЛГИЛИ). Занимаясь монгольским языком у академика Б.Я. Владимирцова, особенно интересовался различными видами монгольской письменности (уйгурско-монгольской, так называемой «квадратной» и др.), а также монгольскими рукописями, в особенности исторического содержания. Проходил производственную практику в Рукописном отделе Института востоковедения под руководством академика Б.Я. Владимирцова. Окончив в 1932 г. ЛГИЛИ, с того же года начал работать научным сотрудником и секретарем Монгольского кабинета Института востоковедения АН СССР.

В 1934 г. Л.С. Пучковский перешел в Рукописный отдел ИВ АН СССР, работая в котором составил полную научную картотеку Монгольского фонда рукописей и ксилографов, а затем его краткое научное описание. Принципы научного описания монгольских рукописей и ксилографов были изложены в статье «Некоторые вопросы научного описания монгольских рукописей»²⁴. В 1941 г. начал работу над кандидатской диссертацией на тему «Монгольские документы эпистолярного характера».

В 1942 г. был эвакуирован вместе с другими сотрудниками Института востоковедения из Ленинграда в Ташкент. Там в 1945 г. он завершил работу над диссертацией и успешно защитил ее в феврале того же года. Диссертация получила положительные отзывы от официальных оппонентов проф. Г.С. Смыкалова и проф. А.А. Семенова. В отзыве последнего отмечается: «Обширная работа Л.С. Пучковского (304 стр.) рас-

падает на три отдела: „I. Структура монгольских документов эпистолярного характера XIII–XIV вв.“, „II. Структура материалов служебной переписки монгольских должностных лиц и учреждений XIX в.“, „III. Структура частных деловых писем, конца XIX в., нескольких князей Внутренней и Внешней Монголии“. ... Даже из этого перечня основных артикулов настоящей работы видно, какой она имеет большой диапазон и как полно охвачены ею разные вопросы, связанные с делопроизводством у монголов»²⁵.

По возвращении в Ленинград с 1945 по 1948 г. работал ученым секретарем Монгольского сектора ИВ АН СССР, продолжал интересоваться изучением монгольских рукописей (в частности, составил сводный текст монгольской летописи XVII в. «Алтан Тобчи» со всеми вариантами и разночтениями по 8 версиям этого памятника, 20 п.л., не издан). В то же время продолжал работу над научным описанием Монгольского фонда, сосредоточив внимание на исторических сочинениях²⁶. 16 мая 1947 г. Л.С. Пучковскому было присуждено ученое звание старшего научного сотрудника решением счетной комиссии, избранной Ученым советом ИВ АН СССР. С 1950 г. Леонид Сергеевич работал в Секторе восточных рукописей.

С 1945 по 1950 г. работал старшим преподавателем кафедры монгольской филологии Восточного факультета ЛГУ, где читал различные общие и специальные курсы («Введение в монголоведение», «История русского и советского монголоведения» и др.), вел специальные семинары по старомонгольскому языку, а также по дешифровке рукописей древнего и среднего периода монгольской литературы, включая эпоху «квадратной» письменности. В 1950 г. был представлен к утверждению в ученое звание доцента, однако был вынужден оставить преподавательскую деятельность и целиком сосредоточиться на работе в Секторе восточных рукописей ИВ АН СССР.

Итогом многолетней работы Л.С. Пучковского над Монгольским фондом ИВ АН СССР стал каталог «Монгольские, бурят-монгольские и ойратские рукописи и ксилографы Института востоковедения. Вып. 1. История, право»²⁷. Продолжателем дела Л.С. Пучковского по каталогизации монгольских рукописей и ксилографов А.Г. Сазыкиным эта работа была охарактеризована как «обстоятельная и во многом образцовая»²⁸.

Еще одной важной работой Л.С. Пучковского стало факсимильное издание текста монгольской летописи «Ганга-йин урусхал» («Течение Ганга»), снабженное предисловием²⁹, в котором «дается оценка „Ганга-йин урусхал“ как источника по истории монголов и вместе с тем как культурно-исторического памятника. В связи с этим отмечаются различные влияния, сказавшиеся на памятнике, — влияние китайской историографии и тибетской буддийской литературы, а кроме того, влияние маньчжурских придворных кругов, к которым был близок автор сочинения. В предисловии уделено внимание попыткам автора критически отнестись к использованным им памятникам и к некоторым вопросам истории монголов»³⁰.

²⁵ Отзыв, состоящий из трех листов рукописного текста (с обеих сторон), хранится в Архиве востоковедов ИВР РАН (Ф. 152. Оп. 3, ед. хр. 493).

²⁶ Впоследствии результатом этой работы стала статья: *Пучковский Л.С.* Монгольская феодальная историография XIII–XVII вв. // Ученые записки Института востоковедения. 1953, т. VI. С. 131–166.

²⁷ *Пучковский Л.С.* Монгольские, бурят-монгольские и ойратские рукописи и ксилографы Института востоковедения. Вып. 1. История, право. М.–Л.: АН СССР, 1957.

²⁸ *Сазыкин А.Г.* Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения АН СССР. Т. I. М.: ГРВЛ, 1988. С. 8.

²⁹ *Гомбоджаб Х.* Ганга-йин урусхал (История золотого рода владыки Чингиса. — Сочинение под названием «Течение Ганга») / Издание текста, введ. и указ. Л.С. Пучковского. М.: ИВЛ, 1960 (Памятники литературы народов Востока. Тексты. Малая сер. X).

³⁰ Отзыв Б.И. Панкратова (1 с. машинописного текста) хранится в Архиве востоковедов ИВР РАН (Ф. 152. Оп. 3, ед. хр. 492).

Осенью 1961 г. (с конца октября до начала декабря) Л.С. Пучковский совершил научную командировку в Улан-Батор. В ходе поездки он среди прочего ознакомился со многими монгольскими летописями в Библиотеке Академии наук МНР, неизвестными в собраниях Ленинграда. Эта поездка, а также выход в свет ряда важных исследований зарубежных ученых внесли коррективы в работу Л.С. Пучковского над его новой монографией «Монгольские летописи XIII–XIX вв.». Эта работа в итоге так и не была завершена. Впрочем, один из аспектов этой работы отражен в публикации на английском языке, вышедшей в 1963 г.³¹

Среди других направлений научной деятельности Л.С. Пучковского следует отметить его изыскания в области истории монголоведения. Им, в частности, была опубликована большая статья об одном из первых русских монголистов А.В. Игумнове³².

В марте 1965 г. Л.С. Пучковский уволился из ЛО ИВ АН СССР в связи с выходом на пенсию. Скончался он 7 марта 1970 г.³³

А.В. Зорин

Игорь Михайлович Дьяконов (1915–1999)

Игорь Михайлович Дьяконов, один из крупнейших востоковедов XX в., родился 12 января 1915 г. в Петербурге. Его отец был банковским служащим, а мать — врачом. С 1922 по 1929 г. (с двухлетним перерывом) семья живет в Христиании (Осло), где И.М. Дьяконов освоил норвежский язык. Вообще же читать (по-русски и по-английски) он начал очень рано, и среди первых прочитанных им книг были путеводители по египетскому и месопотамскому отделам Британского музея. Так началось его увлечение древним Востоком, но сначала он отдавал предпочтение Египту.

Вернувшись в СССР, И.М. Дьяконов учился в школе, а с 1932 г. — на Историческом факультете Ленинградского университета. Здесь его учителями были многие выдающиеся ученые того времени, но главным его учителем стал проф. А.П. Рифтин, пригласивший его в свою ассириологическую группу. И.М. Дьяконов занялся инвентаризацией знаменитой клинописной коллекции Н.П. Лихачева, благодаря чему ознакомился едва ли не со всеми видами и жанрами клинописи. Он также работал экскурсоводом в Эрмитаже, а с 1937 г. (еще до окончания учебы) был зачислен в штат музея. Здесь, в Отделе древнего Востока, он, по его собственным словам, «прошел свой второй университет». В 1936 г. он женился, в 1937 г. вышла его первая печатная работа.

К началу 1941 г. была готова его кандидатская диссертация, посвященная земельным отношениям в Ассирии. Условия для научной работы, как и вообще условия

³¹ *Pučkovskij L.S. The Date of Composition of the Bolor Toli // Acta Orientalia. Hung. T. XVI. Fasc. 2. P. 217–223.*

³² *Пучковский Л.С. Александр Васильевич Игумнов (1761–1834) // Очерки по истории русского востоковедения. Сб. III. М.: ИВЛ, 1960. С. 166–195.*

³³ Статья написана по материалам личного дела Л.С. Пучковского. См.: Архив востоковедов ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 3, ед. хр. 492 и 493. Особенно содержательной является «Автобиография» (ед. хр. 492), представляющая собой два рукописных листа (с текстом на обеих сторонах) и составившая основу этой статьи.

жизни в стране в последние предвоенные годы, резко ухудшились, репрессии затронули практически все семьи интеллигенции (был арестован и погиб отец И.М. Дьяконова).

Вскоре после начала войны с Германией Игорь Михайлович был призван в армию и служил в штабе Карельского фронта, где очень пригодилось его знание многих языков. В 1944 г. Советская армия освободила от немцев восточную часть Норвегии, где И.М. Дьяконов был представителем командования в городе Киркенес. Здесь он оставил по себе добрую память и впоследствии был избран почетным гражданином Киркенеса.

После демобилизации в 1946 г. Игорь Михайлович работал в Университете, где защитил кандидатскую диссертацию и издал свою первую книгу «Развитие земельных отношений в Ассирии» (Ленинград, 1949). Впоследствии он работал в Эрмитаже, в Институте истории, а с 1956 г. и до конца своих дней — в Институте востоковедения Академии Наук. Докторскую диссертацию защитил в 1960 г. В своих научных занятиях он проявил невероятную разносторонность, будучи одновременно историком (многочисленные труды по социально-экономической, политической и культурной истории, проблемам этногенеза и т.п.), филологом (издания текстов, блестящие литературные переводы с древневосточных и новых языков) и лингвистом (исследование множества языков, принадлежащих к неродственным языковым семьям). И лишь очень немногие из этих работ выполнены в соавторстве. Неудивительно поэтому, что список его работ³⁴ выглядит как результат деятельности не одного человека, но целого научного коллектива. Его научные заслуги отмечены избранием в Британскую Академию, Американскую Академию искусств и наук, членством во множестве востоковедных обществ и степенью почетного доктора гуманитарных наук Чикагского университета. В дипломе о присуждении этой степени говорится, что она присуждается «человеку, чьи исторические, социально-экономические, филологические и лингвистические исследования не имеют себе равных как по широте охвата, так и по качеству».

И.М. Дьяконов был также членом множества советских, российских и зарубежных редакционных коллегий, в том числе и редколлегии *Corpus Inscriptionum Iranicarum*. История и языки иранских народов были важной областью его интересов почти с самого начала его научной деятельности. И с самого начала он поставил перед собой чрезвычайно трудную задачу дешифровки и издания парфянских документов из Нисы. Эту работу И.М. Дьяконов начал еще в сороковых годах совместно с В.А. Лившицем и своим старшим братом М.М. Дьяконовым (вскоре, к сожалению, умершим). Работа продолжалась более двадцати лет, каждый из авторов должен был работать как историк, лингвист и дешифровщик: требовалось прочитать очень трудную разновидность арамейского письма и решить вопрос о языке этих текстов. После многолетних дискуссий ныне общепринятой является точка зрения издателей: эти тексты написаны по-парфянски арамейскими гетерограммами. Эта работа заслуживает отдельного упоминания, поскольку именно в ней наиболее ярко проявились научные и человеческие качества Игоря Михайловича. В целом же он является автором почти трех десятков монографий и четырех сотен статей, опубликованных в нашей стране и за рубежом. Его работы продолжают издаваться по сей день, а в последнее время начата работа по переизданию его главных трудов — как основных монографий, так и важнейших статей. Почти все его работы сохраняют свое значение даже в нынешних условиях бурного развития науки, постоянных перемен в ней.

³⁴ Библиографию трудов И.М. Дьяконова (сост. Э.С. Русинова) см.: История и языки древнего Востока. Памяти И.М. Дьяконова. СПб.: Петербургское востоковедение, 2000, 2002. С. 381–405.

Наконец, но не в последнюю очередь, необходимо упомянуть неустанную деятельность И.М. Дьяконова как воспитателя новых поколений древневосточников. Его ученики, которых он приучал к добросовестности, акрибии, интеллектуальной честности, кому он прививал интерес к теоретической стороне нашей науки, работают ныне в нашей стране и во многих других странах, составляя своего рода «невидимый колледж».

Игорь Михайлович скончался после тяжелой и долгой болезни 2 мая 1999 г. Почти до самого конца он не утратил жадного интереса к науке вообще и к работам своих учеников в особенности. Свою уникальную библиотеку он завещал Группе древневосточной филологии Петербургского филиала Института востоковедения. Она, собственно, всегда была здесь, а теперь она превращается в мемориальную библиотеку его имени. И каждый год в день его рождения его ученики собираются на конференцию, посвященную его памяти. Там мы информируем друг друга о своих новых работах и новых идеях³⁵.

В.А. Якобсон

Дмитрий Дмитриевич Елисеев (1926–1994)

Дмитрий Дмитриевич Елисеев родился в 1926 г. 30 сентября в Старом Петергофе под Ленинградом и прожил там до 1942 г. В 1943 г. он окончил среднюю школу и поступил в авиационное училище. Получив специальность авиационного механика, добровольцем ушел на фронт. Ему тогда не исполнилось и 19 лет. Со своим полком он прошел через Румынию, Чехословакию, Венгрию, заслужил боевые награды.

После войны, в 1946 г., Д.Д. Елисеев поступил в Медицинский институт, хотел стать хирургом, но помешала болезнь. Сложная операция на полгода лишила его возможности учиться, а после выздоровления Дмитрий Дмитриевич сделал «резкий поворот» от «практической специальности» врача в сторону гуманитарных знаний, и в 1948 г. поступил в Ленинградский университет на Восточный факультет. Он выбрал корейское отделение — новую специализацию, на которую впервые открыли набор студентов только за год до этого, в 1947 г.

После окончания университета в 1954 г. его приняли на работу в Институт востоковедения АН. Здесь Д.Д. Елисеев сразу принял участие в работе по инвентаризации и описанию корейских рукописей и ксилографов, которые хранились в Институте (нумерация листов в рукописях и записи в инвентарной книге сделаны рукой Д.Д. Елисеева). Описание было предпринято О.П. Петровой, специалистом по японскому языку, и вышло в двух выпусках 1956 и 1963 гг.

Работа с рукописной книгой стала главным направлением в научных интересах Дмитрия Дмитриевича. Рукописная книга сформировала его и как переводчика: в 1959 г. в издательстве «Восточная литература» вышла его первая публикация, сборник «Корейские новеллы» — перевод на русский язык корейских рассказов, записанных в конце XIX в. для английского консула в Корее У.Дж. Астона (1841–1911) его учителями корейского языка Ким Чэгуком и Пак Чоньсыком.

³⁵ Более подробный очерк биографии И.М. Дьяконова см.: Там же. С. 364–380, однако новые биографии этого великого ученого продолжают выходить в свет.

Результатом изучения памятников традиционной корейской литературы, которые хранятся в Рукописном отделе Института восточных рукописей, были три публикации текстов с переводом и исследованием, а также две подготовленные к печати работы по изданию текстов рукописных рассказов из коллекции У.Дж. Астона.

Дмитрий Дмитриевич Елисеев первый открыл путь к публикации уникальных памятников корейской литературы, которые хранятся в рукописной коллекции Института восточных рукописей.

Интерес к рассказу привел Д.Д. Елисеева к собраниям литературы *пхэсоль*. Этому оригинальному явлению дальневосточной, и в частности корейской, культуры Д.Д. Елисеев посвятил большое исследование, которое в 1966 г. защитил как кандидатскую диссертацию. Диссертация легла в основу его монографии «Корейская средневековая литература *пхэсоль*» (1968 г.).

Собрания *пхэсоль* стали главным интересом Дмитрия Дмитриевича. Он выделил из состава сборников новеллу, изучил историю развития этого жанра, описал его особые черты, проштудировав для этого целый ряд сборников, и в 1977 г. издал монографию «Новелла корейского средневековья». Работа была защищена как докторская диссертация в 1979 г.

Д.Д. Елисеев, задумав воссоздать литературный мир эпохи Корё, в особенности того времени, когда появились первые собрания *пхэсоль*, написал серию очерков, посвященных жизни и творчеству ведущих литераторов — историка Ким Пусика (1075–1151), буддийского монаха историка Ирёна (1206–1289), поэтов Ли Инно, Чхве Ча и Ли Кюбо. Рассказывая о творчестве поэтов и историков, цитируя их произведения в своих переводах, Д.Д. Елисеев старался представить этих авторов в их отношениях с другими людьми — друзьями и недругами, нарисовать их человеческие характеры. Для этого он привлекал заметки из собраний *пхэсоль*, посвященные частной жизни знаменитых людей, поскольку официальные источники описывали известных личностей прежде всего как чиновников на государственной службе. К сожалению, эта работа не была опубликована, за исключением очерка, посвященного Ким Пусику.

Дмитрий Дмитриевич был увлечен литературой *пхэсоль* и делал переводы из сборников не только для исследования. Эти переводы составляли лучшую часть сборников образцов корейской традиционной прозы, которые публиковало Издательство художественной литературы. Д.Д. Елисеев обладал чувством эпохи и ее языка, он никогда не навязывал произведению, которое переводил, свое понимание текста, старался открыть российскому читателю неизвестное ему понимание жизни далекой дальневосточной страны и сам поневоле вживался в эту систему взглядов.

Работы Д.Д. Елисеева, особенно его публикации памятников, были хорошо знакомы и зарубежным корееведам, и в самой Республике Корея. Ему присылали книги, интересовались его публикациями текстов, но он утратил интерес к связям с зарубежными коллегами и целиком погрузился в свои *пхэсоль*, поставив себе цель перевести весь сборник одного из лучших мастеров этого жанра Сон Хёна (1439–1504). Свою мечту он выполнить не успел. Д.Д. Елисеев подготовил большую публикацию переводов рассказов из шести книг собрания Сон Хёна «Гроздь рассказов Ёнчжэ» (*Ёнчжэ чхонхва*). Публикация вышла в 1994 г. в альманахе «Петербургское Востоковедение» уже после того, как Дмитрия Дмитриевича не стало. Другой его работой, изданной посмертно, в 2004 г., была публикация рукописи (с предисловием и комментариями) рассказов Ким Чэгука — корейского учителя английского дипломата У.Дж. Астона.

Д.Д. Елисеев хорошо известен в корееведении, и в востоковедении вообще, как исследователь рукописных и ксилографических памятников сюжетной прозы; как пио-

нер в области издания корейских рукописных текстов; как исследователь традиционной прозы в жанре *пхэсоль*; как переводчик традиционной художественной прозы.

Его вклад в изучение корейской литературы отмечен первоклассными работами — книгами и статьями, большая часть которых была издана, но некоторые, к сожалению, так и остались в рукописях.

А.Ф. Троцевич

Петр Афанасьевич Грязневич (1929–1997)

Коренной сибиряк, Петр Афанасьевич Грязневич родился в деревне Павловка Омской области. В 1953 г. окончил восточный факультет ЛГУ по специальности «история Ирана», однако для своей научной деятельности избрал стезю арабиста. С 1956 г. и до самой кончины он работал в Арабском кабинете (позднее — в секторе Ближнего Востока) Ленинградского отделения (с сентября 1991 г. — Санкт-Петербургского филиала) Института востоковедения АН СССР (с декабря 1991 г. — РАН). В течение 10 лет (1968–1978 гг.) он возглавлял Арабский кабинет. Ученую степень кандидата филологических наук ему присудили 29 июня 1961 г. по монографии. Ученого звания старшего научного сотрудника он был удостоен 1 июня 1970 г. Издано около 50 его работ.

П.А. Грязневич — выдающийся представитель петербургской школы классической арабистики. Свой путь в науку он начал как рукописник-текстолог: участвовал в большом международном проекте по переизданию «Истории пророков и царей» ат-Табари (к сожалению, так и не доведенному до конца). Опубликовал (факсимильно) две уникальные исторические хроники из собрания Института востоковедения: «Историю халифов»³⁶ и «Мансурову хронику»³⁷.

В первой половине 60-х годов П.А. Грязневич впервые побывал в Йемене в качестве переводчика группы советских врачей, работавших в Сане, и на свой страх и риск в условиях гражданской войны объездил ее окрестности в поисках памятников древности и средневековья. При публикации найденных им материалов, в том числе 47 древних южноаравийских надписей (Южная Аравия. Памятники древней истории и культуры. Вып. 1. М., 1978), по его настоянию был впервые применен метод комплексного исследования йеменских городищ, который позволил преодолеть основной недостаток предшествующей сабеистики, отличавшейся исключительно филологическим подходом к древним надписям, вырванным из археологического и историко-географического контекста. В ноябре 1970 — мае 1971 г. П.А. Грязневич вновь проводил полевые исследования в Йемене, уже в качестве стипендиата ЮНЕСКО. К сожалению, публикация материалов его второй экспедиции (включая 300 надписей) была задержана на четверть века (из-за отъезда одного из его соавто-

³⁶ История халифов анонимного автора XI в. Факсимиле рукописи / Предисл. и краткое изложение содержания П.А. Грязневича. Указатели М.Б. Пиотровского, П.А. Грязневича. М.: ГРВЛ, 1967. (Памятники письменности Востока. XI.)

³⁷ *Мухаммад ал-Хамави*. Ат-Та`рих ал-мансури (Мансурова хроника) / Издание текста, предисл. и указатели П.А. Грязневича. М.: ИВЛ, 1960. (Памятники литературы народов Востока. Тексты. Большая сер. XI) Изд. 2-е, стереотип. М.: ИВЛ, 1963.

ров, Я.Б. Грунтфеста, в Израиль), в результате чего наш приоритет в изучении целого ряда труднодоступных районов Йемена был утрачен.

В начале 80-х годов, воспользовавшись тем, что между СССР и НДРЙ (Южным Йеменом) сложились прочные дружественные отношения, П.А. Грязневич сумел добиться создания Советско-йеменской комплексной экспедиции, начальником которой он оставался с 1983 по 1989 г. Помимо чисто административной деятельности он внес большой личный вклад в работу отряда историко-культурных исследований.

Велика заслуга П.А. Грязневича в возрождении отечественного исламоведения: он принимал самое активное участие в издании перевода Корана И.Ю. Крачковского, в начале 80-х годов был в числе организаторов первых всесоюзных конференций по изучению ислама. Проявлял особый интерес к проблеме зарождения ислама и спорам о праве на верховную власть в раннем Халифате.

Творческое наследие П.А. Грязневича, человека разносторонних дарований, романтика по натуре, несет на себе печать незавершенности, значительная часть его работ (в первую очередь перевод «Описания Аравийского полуострова» йеменского ученого X в. ал-Хасана ал-Хамдани) так и не была закончена.

С.А. Французов

Георгий Александрович Зограф (1928–1993)

Г.А. Зограф принадлежал к числу российских ученых, научное творчество которых надолго определило центральную линию развития отечественного востоковедения второй половины XX века³⁸.

Г.А. Зограф родился в семье, отдавшей дань служению науке. Его отец, Александр Николаевич Зограф (1889–1942), историк античности, с 1935 г. заведовавший отделом нумизматики Государственного Эрмитажа, умер от голода в блокадном Ленинграде. Атмосфера дома, которую в последующие годы поддерживала мать Георгия Александровича — Ольга Григорьевна, дочь известного на рубеже XIX–XX вв. академика архитектуры Г.И. Котова, способствовала формированию в членах семьи верности лучшим традициям интеллигенции.

Г.А. Зограф получил университетское образование на кафедре индо-тибетской (с 1951 г. индийской) филологии Восточного факультета ЛГУ, окончив его с отличием, и затем — в аспирантуре Института востоковедения АН СССР. В 1954 г. он был принят сотрудником Сектора восточных рукописей, остававшегося единственным в Ленинграде после перевода Института востоковедения в Москву (1949 г.) научно-исследовательским центром изучения Востока. Долгая, напряженная научная жизнь Г.А. Зографа была теснейшим образом связана с созданным на базе Сектора рукописей в 1955 г. Ленинградским отделением Института востоковедения АН СССР (затем — Санкт-Петербургский филиал ИВ РАН, ныне — Институт восточных руко-

³⁸ Материал взят из следующих изданий: Стхапакшраддха. Сборник статей памяти Г.А. Зографа / Под ред. Я.В. Василькова и Н.В. Гурова. СПб.: Петербургское востоковедение, 1995. С. 7–26; Невелева С.Л. XXV Зографские чтения: (Проблемы интерпретации традиционного индийского текста) // Письменные памятники Востока. М., 2005, № 2 (3). С. 258–263.

писей РАН)³⁹. Параллельно он вел преподавательскую работу на Восточном факультете ЛГУ.

В числе проблем, сохраняющих и по сию пору свою актуальность, внимание Г.А. Зографа с самого начала привлекали наиболее сложные, связанные с языковым аспектом становления литературного процесса в Индии нового времени. Его кандидатская диссертация (1954 г.) была посвящена общей характеристике языка *урду* XIX в.⁴⁰. В его последующих статьях, а также в монографии «Хиндустани на рубеже XVIII–XIX веков» (1961 г.) был представлен объемный анализ синхронных текстов художественной прозы начала XIX в. С самым серьезным вниманием ученый подошел к совершенно новой тогда для мировой индологии теме — исследованиям структурной типологии новых индоарийских языков, и эта тема стала объединяющей для большинства его работ, созданных за почти четыре десятилетия научной деятельности⁴¹. Импульсом к пробуждению интереса к языковой типологии в мировых научных кругах явились работы Б. Уорфа, Дж. Гринберга, а также ученых Пражской школы — Н.С. Трубецкого, Р.О. Якобсона и др. В работах Г.А. Зографа новоиндийская морфология была впервые представлена как последовательная система в рамках совершенно новой, разработанной им классификации языков и диалектов данной группы.

Углубленное исследование проблем структурной типологии естественно обусловило и укрепило интерес ученого к процессам взаимодействия и взаимовлияния генетически различных языков Южной Азии («проблема субстрата»), адекватное объяснение которым могло быть дано исключительно с позиций ареального языкознания⁴². Ознакомившись с трудами М.Б. Эмено и Ф.Б.Й. Кейпера, в которых получила обоснование концепция Южноазиатского ареала, Г.А. Зограф с начала 80-х годов опубликовал ряд исследований, развивавших конкретные положения этой концепции и разрабатывавших методику изучения ареальных лингвистических явлений.

О широте интересов Г.А. Зографа свидетельствует его обращение к переводу произведений индийских писателей⁴³, показавшему не только блестящее владение переводчика литературным стилем, но и глубочайшее понимание им сложного синтеза индо-мусульманской культуры. Ученым, подготовившим два издания индийских сказок⁴⁴, была продолжена традиция исследования и перевода индийского фольклора, заложенная выдающимися индологами прошлого — И.П. Минаевым и С.Ф. Ольденбургем. Тщательно собиравшийся долгие годы фольклорный материал получил свое отражение и в посмертно изданной книге, посвященной пословицам и поговоркам Северной Индии⁴⁵.

³⁹ Список печатных работ Г.А. Зографа см.: Схтапакашрадха. Сборник статей. С. 27–38.

⁴⁰ Основные черты прозаического урду начала XIX в. Автореф. канд. дис. М., 1954.

⁴¹ Помимо целой серии статей и докладов, эта тема, работа над которой велась около 20 лет, получила отражение в монографии: Морфологический строй новых индоарийских языков: опыт структурно-типологического анализа. М., 1976 (в 1977 г. эта монография была защищена в качестве докторской диссертации).

⁴² В нашей стране и за рубежом получили заслуженное признание обобщающие труды Г.А. Зографа, явившиеся уникальными справочными изданиями, подобных которым до тех пор не знала мировая лингвистическая наука. Сжатый, но предельно информативный текст небольшой монографии — Языки Индии, Пакистана, Цейлона и Непала. М.: ИВЛ, 1960 — был увеличен автором более чем в два раза за счет описания не-индоарийских языков для издания: Languages of South Asia. A Guide. L., 1982. Позднее, при подготовке нового варианта русского издания книги, ее объем вырос еще в полтора раза. См.: Языки Южной Азии. М.: ГРВЛ, 1990.

⁴³ *Мир Амман*. Сад и весна. М.: ГИХЛ, 1957; *Мирза Мухаммад Хади*. Танцовщица. М.: ГИХЛ, 1960.

⁴⁴ Сказки народов Индии. Пер. с хинди. М.–Л.: ИХЛ, 1964; Сказки Центральной Индии. М.: Наука, 1971; Сказки народов Индии. Пер. с хинди и англ. Л.: ИХЛ, 1976.

⁴⁵ Пословицы и поговорки Северной Индии. СПб., 1998 (совм. с А.С. Бархударовым и В.М. Бескровным).

В 1968 г. Г.А. Зограф возглавил Индийский кабинет ЛО ИВ АН СССР (впоследствии — Сектор Южной и Юго-Восточной Азии СПб ИВ РАН), магистральным направлением работы которого явилось исследование письменных памятников и традиционной культуры этих регионов. Глубина научных воззрений ученого способствовала его убежденности в том, что без обращения к лучшим традициям российской классической индологии невозможно упорение основ новоиндианистики.

Высочайшая эрудиция и безусловное понимание перспектив развития востоковедения России позволили Г.А. Зографу возглавить в 1980 г. начинание, играющее отныне существенную роль в развитии современной индологии. С той поры ежегодно весной на основе возглавляемого им Сектора проводились, при участии сотрудников родственных учреждений города, научные чтения по общей теме — «Проблемы интерпретации традиционного индийского текста». С течением времени круг участвовавших в работе конференции, объединившей ученых самых разных направлений индологии, расширился за счет ведущих специалистов из других городов России и зарубежья — Москвы, Калининграда, Вильнюса, Клайпеды и др.

Зографские чтения, как в память об их основателе Г.А. Зографе называется теперь эта конференция, в настоящее время стали ежегодным весенним форумом индологов различных областей знания, таких, как литература, фольклор, лингвистика, история, философия, религиоведение и т.д. Основой исследований участников Чтений остается, как это и было задумано их зачинателем, традиционный текст (в широком его понимании), причем неизменно расширяется как тематический, так и языковой спектр изучаемого материала. Изначально в центре внимания исследователей была индийская словесность, представленная ведийскими памятниками, санскритским эпосом, буддийскими сочинениями, классической драмой, тамильской литературой и т.д. Сейчас в сферу интересов ученых, принимающих участие в Зографских чтениях, входят помимо этого философские тексты индуизма, научные сочинения на санскрите, эпиграфика, новоиндийская литература и произведения изобразительного искусства в их связи с вербальными текстами. Современных исследователей разного профиля — филологов, историков, этнографов, философов, искусствоведов и т.д. — объединяет глубокое понимание важности филологического аспекта культурного наследия Индии, изучению которого посвятил себя Г.А. Зограф.

С.Л. Невелева

Анас Бакиевич Халидов (1929–2002)

Анас Бакиевич Халидов родился 25 февраля 1929 г. в деревне Чирки-Кошаково Буинского района ТАССР в крестьянской семье. Отец, получивший традиционное мусульманское образование, знал арабский язык и вообще имел склонность к изучению языков, но высшее образование получил в совершенно иной области, закончив в начале 1941 г. астрономическое отделение физико-математического факультета Казанского государственного университета. По окончании он получил назначение в Ташкентскую астрономическую обсерваторию, взяв туда с собой Анаса, находившегося после распада семьи на его попечении. Вскоре началась война, отец был призван в армию, и Анас остался выживать в эти трудные годы в одиночку под присмот-

ром ленинградских астрономов, одного из которых всегда вспоминал с особым теплом. Под их влиянием у него созрело решение поехать учиться именно в Ленинград.

Пять лет самостоятельной жизни выработали у А.Б. Халидова упорство, трудоспособность и некоторую закрытость характера. Требовательность к себе определила такую же безоговорочную требовательность и к другим.

В 1946 г. Анас Бакиевич поступил на арабское отделение Восточного факультета ЛГУ. Начало было неудачным: за сочинение он получил двойку, но экзаменаторы были либеральнее, чем теперь, и позволили пересдать этот экзамен. Новое сочинение он написал короткими фразами, избегая сложных конструкций, и получил проходной балл. Остальные экзамены не представляли сложности.

Первые два года он, по собственному признанию, слушая лекции, невольно переводил их на родной язык, и это затрудняло восприятие содержания. Зато с изучением арабского языка, благодаря основам, полученным от отца, он сразу же оказался в числе сильнейших. Но язык интересовал его не с лингвистической точки зрения, а как инструмент изучения рукописной традиции. И.Ю. Крачковский, высоко оценивший филологическую подготовку А.Б. Халидова, предложил ему в паре с П.Г. Булгаковым взять в качестве дипломной работы перевод и комментирование так называемой Второй записки Абу Дулафа. Диплом получил при защите высокую оценку и сыграл большое значение в формировании А.Б. Халидова как текстолога и публикатора арабских текстов.

По окончании Университета А.Б. Халидов был принят в аспирантуру Института востоковедения Академии наук. Институт в это время уже был переведен в Москву, а в Ленинграде оставалась небольшая группа при Рукописном отделе, и аспиранты, попавшие в нее, числились в аспирантуре Института востоковедения, находившегося в Москве.

Тема диссертационной работы («Художественная проза Таха Хусейна») была совершенно никак не связана с дипломной, хотя продолжение ее было бы естественным, тем более что рукопись «Записки» (вернее, ее фотокопия) хранилась тут же, в Рукописном отделе. Видимо, выбор темы определялся поворотом московской части Института востоковедения к современности. Диссертация была защищена почти в срок, в феврале 1955 г., но была неудачной, и автор никогда не пытался опубликовать хотя бы ее отдельные части в виде статей и никогда не возвращался ни к современности, ни к литературоведению.

В 1956 г. Группа восточных рукописей преобразуется в Ленинградское отделение ИВ АН. Число сотрудников быстро увеличивается, а создание в Москве специализированного Издательства Восточной литературы расширяет возможность публикации научных работ. Во второй половине 50-х годов А.Б. Халидов под руководством В.И. Беляева включается в интенсивную работу с арабскими рукописями ЛО ИВ АН и находит в этом свое призвание. Он подготавливает описание рукописей художественной прозы, возвращается совместно с П.Г. Булгаковым к публикации «Второй записки» Абу Дулафа (факсимиле, отредактированный наборный текст и перевод с комментариями), подготавливает факсимильное издание «Книги стоянок и жилищ» Усамы б. Мункиза⁴⁶. В то же время он публикует несколько переводов из современной арабской прозы и оказавшийся очень полезным в учебных целях перевод статьи Х.А.Р. Гибба «Арабская литература. Классический период» из «Энциклопедии ислама».

⁴⁶ Вторая записка Абу Дулафа / Издание текста, пер., введ. и коммент. П.Г. Булгакова и А.Б. Халидова. М.: ИВЛ, 1960 (Памятники литературы народов Востока. Тексты. Малая сер. V); *Усама ибн-Мункиз*. Китаб ал-маназил ва-д-дийар (Книга стоянок и жилищ) / Издание текста (факсимиле), предисл. и указатели А.Б. Халидова. М.: ИВЛ, 1961. (Памятники литературы народов Востока. Тексты. Большая сер. XII).

В 1959 г. в связи с запретом совместительства В.И. Беляев покинул ЛО ИВ АН, и Арабский кабинет оставался два года без постоянного руководства, пока в 1961 г. его заведующим не был назначен А.Б. Халидов.

Занимать место, которое всего десять лет назад занимал глава советской арабистики академик И.Ю. Крачковский, было непросто. Общеизвестного авторитета у него еще не было, хотя по уровню филологической подготовки с ним в Кабинете мог сравниться только П.А. Грязневич.

А.Б. Халидов живо ощущал себя наследником славных традиций своих знаменитых предшественников, обязанным поддерживать заданный ими высокий уровень арабской филологии. Его бескомпромиссность в борьбе со всякой научной неряшливостью порой приводила к конфликтам, но создала редкую атмосферу объективной взаимной критики при обсуждении работ, способствовавшей их высокому качеству.

В начале 60-х годов А.Б. Халидов одновременно с работой по завершению перевода и комментариев части текста «Индии» ал-Бируни и переводом отрывков из «Книги песен» Абу-л-Фараджа ал-Исфагани⁴⁷ возглавил работу по составлению краткого каталога арабских рукописей из собрания ЛО Института (который тогда назывался Институтом народов Азии). Работа эта, требующая, кроме всего прочего, неукоснительного следования схеме описания, была чужда большинству составителей каталога, которые именно в этом совершали много огрехов, очень раздражавших редактора: «Неужели так трудно следовать схеме? Почему я должен за каждым проверять все — до точек и запятых!»

В 60-х годах число арабистов в СССР значительно возрастает, активизируется деятельность новых центров арабистических исследований в Баку, Тбилиси, Ереване, Махачкале, Душанбе. В этих условиях А.Б. Халидов оказывается общепризнанным авторитетом в области археографии и арабского рукописного дела. Он принимает активное участие в обсуждениях этих проблем на разных съездах и конференциях, происходящих на территории страны. В эти годы появляется возможность выезда в арабские страны. В 1966 г. он впервые попадает в арабскую страну, посещает Ирак в составе советской делегации, приглашенной на открытие нового здания Багдадского музея. С этого времени появляется возможность целенаправленных поездок для работы с рукописями.

В 1977 г. он вместе с П.А. Грязневичем по приглашению правительства Народной Демократической республики Йемен работает более месяца в Адене и Мукалле, оказывая содействие в организации сбора и хранения рукописей.

Многолетняя работа с каталогами привела его к идее создания печатной библиографии каталогов арабских рукописей, в подготовке которых он принял участие в качестве редактора и автора одного из разделов⁴⁸.

В феврале 1968 г. А.Б. Халидов просит дирекцию освободить его от обязанностей заведующего Арабским кабинетом, подразумевая, что это даст ему возможность работать над докторской диссертацией. На этом посту его заменил П.А. Грязневич. Но в связи с многочисленными поездками последнего в Йемен для работы в археологической экспедиции Халидову приходилось подолгу замещать его.

Важной инициативой А.Б. Халидова было соглашение с Институтом арабских рукописей Лиги арабских стран в Каире об обмене микрофильмами. В соответствии

⁴⁷ *Абу Рейхан Бируни*. Индия / Пер. А.Б. Халидова (введ. и гл. 1–46) и Ю.Н. Завадовского (гл. 47–80) // *Абу Рейхан Бируни*. 973–1048. Избранные произведения. II. Таш., 1963; *Абу-л-Фарадж Исфагани*. Книга песен / Пер. с араб. А.Б. Халидова, Б.А. Шидфар. Предисл. А.Б. Халидова. М., 1980.

⁴⁸ Библиография арабских рукописей / Сост. И.Б. Михайлова при участии А.Б. Халидова. Отв. ред. А.Б. Халидов. Автор предисловия и вступительных очерков А.Б. Халидов. Аннотации И.Б. Михайловой. М., 1982.

с ним он в 1981 г. месяц работал в Институте, отбирая рукописи, копии которых было бы желательно получить в обмен на эквивалентное число микрофильмов рукописей ИВ АН. К сожалению, ничего из этого не получилось — египтяне, получив первую партию микрофильмов, не прислали ничего и замолчали, будто бы никакого соглашения не было.

Его авторитет в арабском научном мире был настолько высок, что в 1988 г. он был включен в состав Комиссии по литературным премиям в Кувейте и принимал участие в ее работе.

Взаимодействие с арабскими учеными побудило его начать перевод «Краткого каталога» на арабский язык. Это не фиксировалось планами ИВ АН, и судьба этого начинания нам не известна.

Свой взгляд на историю арабской рукописной книги А.Б. Халидов впервые попробовал обобщить в виде очерка в коллективном труде «Очерки истории арабской культуры V–XV вв.»⁴⁹.

Итогом значительной части научной жизни А.Б. Халидова стала докторская диссертация «Арабские рукописи и арабская рукописная традиция» (1984), которая была опубликована как монография в 1985 г.

Научно-преподавательская деятельность А.Б. Халидова была отмечена присвоением ему звания профессора. Однако его огорчало, что то направление в арабистике, которому он отдал жизнь, не находит отклика в новом поколении, что рукописное дело не входит в обязательную программу обучения арабистов в Университете, где он изредка читал такой курс. Не нашлось ни одного среди полдюжины подготовленных им аспирантов (среди которых два араба), кто бы избрал целью своей специальности работу с рукописями.

Не жалел он времени и труда для того, чтобы увидели свет работы предшественников, недоконченные или почему-то не дождавшиеся печати. Так, в 1970 г. по его инициативе была опубликована капитальная «История новой арабской литературы» А.Е. Крымского, опубликована с дополнениями подборка отрывков из «Истории» ат-Табари В.И. Беляева и, наконец, завершена начатая тем же В.И. Беляевым публикация текста и перевода «Книги листов» ас-Сули по уникальной рукописи Российской Национальной библиотеки⁵⁰.

Как ни парадоксально, трудные для российской науки девяностые годы становятся для А.Б. Халидова временем наибольших внешних успехов. Снятие всяких ограничений на выезд за границу при наличии знакомства с широким кругом европейских арабистов открывает возможность выезда в арабистические центры Западной Европы по приглашению соответствующих учреждений (Англия, Голландия, Франция, Финляндия, для ознакомления с рукописными собраниями и докладов). Не оставляют его своим вниманием и арабские страны (Египет, Марокко, Кувейт, Дубай).

В эти годы в его жизни происходит то, что можно считать возвращением к родным корням. Его научная деятельность все более сливается с процессом активизации культурной жизни татар и Татарстана. Он стремится повысить уровень научных исследований на своей родине, читает лекции в Казанском университете. Он востребован здесь как в научном сообществе, так и в высоких сферах как лучший татарский арабист. Его включают в делегации, посещающие различные мусульманские страны (Турция, Саудовская Аравия).

⁴⁹ Халидов А.Б. Книжная культура V–XV вв. (Очерк четвертый) // Очерки истории арабской культуры V–XV вв. М., 1982. С. 215–310.

⁵⁰ Крымский А.Е. История новой арабской литературы XIX — начала XX века. М., 1970; История ат-Табари. Таш., 1987; Абу Бакр Мухаммад ас-Сули. Китаб ал-аврак. (Книга листов) / Критический текст и перевод на русский язык В.И. Беляева и А.Б. Халидова; предисловие, примечания и указатели А.Б. Халидова. СПб.: Петербургское востоковедение, 1998.

1 октября 2002 г. А.Б. Халидов подал заявление об увольнении из Института, с которым был связан ровно 50 лет. Он был уже серьезно болен, и в одной доверительной беседе сказал, что хочет умереть и быть похороненным на родине. Оставшиеся ему два года он активно работал в Казани, преподавал в Университете и довершал перевод Корана на татарский язык, живя уже на обезболивающих уколах. Он закончил этот перевод буквально за несколько часов до смерти, 1 декабря 2002 г.⁵¹.

О.Г. Большаков

Владимир Васильевич Кушев

(1927–2001)

В.В. Кушев родился 30 ноября 1927 г. Выпускник Восточного факультета Ленинградского университета (окончил ЛГУ в 1950 г.), В.В. Кушев работал в Государственной Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина с 1953 до 1957 г., а в ноябре 1957 г. был приглашен в Ленинградское отделение ИВ АН СССР, в котором плодотворно работал более сорока лет. В 1974 г. он успешно защитил кандидатскую диссертацию, а с 1982 г. был старшим научным сотрудником ЛО ИВ АН СССР, затем ведущим научным сотрудником.

Обширная научная деятельность В.В. Кушева охватывала исследования в области многочисленных языков иранской группы: персидского, дари, таджикского, пашто и др., работу над рукописями и составлением каталогов, изучение литературного наследия и вопросов, связанных с историей, религией и культурой народов Среднего Востока.

В.В. Кушев воплощал в своем творчестве лучшие традиции русской и советской классической исследовательской школы. Свободное владение языками: персидским, пашто и английским, а также знание других — это лишь отдельные грани высокого профессионализма В.В. Кушева, который был признанным авторитетом, уникальным специалистом-лингвистом по Ирану и Афганистану. Наиболее весомый вклад Владимир Васильевич внес в афганистику. Добротная филологическая подготовка позволила ему предпринять первые в отечественном афгановедении исследования рукописной книги на языке пашто и раскрыть ряд важных аспектов истории сложения письменности этого языка и становления и развития его литературной формы.

В конце 80-х — начале 90-х годов В.В. Кушев совместно с А.Л. Грюнбергом и несколькими зарубежными коллегами работал над Академической грамматикой афганского языка в рамках проекта, который было под силу предпринять лишь этому творческому коллективу и который несомненно явился бы еще одним великим достижением в области мировой афганистики и иранистики. К сожалению, из-за безвременной кончины А.Л. Грюнберга и политических событий в Афганистане проект не удалось осуществить. В конце 80-х годов Владимир Васильевич успешно защитил докторскую диссертацию на тему «Афганский язык XVI–XIX веков», которая вобрала в себя весь его гигантский исследовательский опыт. Эта работа, являющаяся выдающимся вкладом в афганистику, не была подготовлена к печати в виде монографии

⁵¹ Полная библиография работ А.Б. Халидова и перечень командировок см.: *Зайнуллин Ч.Г.* Анас Бакиевич Халидов. 1927–2001. Казань, 2003 (год рождения указан ошибочно).

при жизни самого ученого. Решение этой задачи взяли на себя его ученики. Выход книги ожидается в 2008 году.

Блестящее знание русской словесности в сочетании с совершенным владением и тонким чутьем персидского языка способствовало весьма успешной деятельности В.В. Кушева в области перевода с персидского и ознакомления советской и российской общественности с творчеством иранских и персоязычных афганских авторов. Он перевел на русский язык целый ряд произведений классической и современной художественной прозы Ирана и Афганистана.

Отдельную сферу деятельности В.В. Кушева представляло многолетнее руководство Семинаром петербургских афганистов, периодически проводившимся в стенах Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН и собиравшим на своих встречах афганистов и иранистов из академических институтов и университета Санкт-Петербурга. На заседаниях слушались доклады не только отечественных, но и зарубежных специалистов по истории, культуре и языкам Афганистана и сопредельных территорий. Именно в рамках этого семинара появился посвященный памяти А.Л. Грюнберга сборник «Страны и народы Востока. Вып. XXX: Центральная Азия. Восточный Гиндукуш», в подготовке к изданию и выпуске которого В.В. Кушев, один из его соредкторов, принял активное участие.

Несмотря на такую многогранную и насыщенную научную деятельность, В.В. Кушев находил время и для других занятий. Более девяти лет он плодотворно работал за рубежом (в Иране и Афганистане) в культурных представительствах СССР, в том числе в 1975–1980 гг. в Тегеране — ответственным секретарем общества «Иран–СССР», успешно представляя отечественную науку и культуру. Именно он способствовал переводу на персидский язык и публикации в Иране поэтов из советского Азербайджана. В.В. Кушев также был консультантом при создании популярного в те годы фильма «Миссия в Кабуле», съемки которого осуществлялись в Афганистане и Индии.

Многие годы Владимир Васильевич преподавал на Восточном факультете Ленинградского (затем — Санкт-Петербургского) Государственного университета, подготавливая кадры афганистов и иранистов для советского и российского востоковедения. Двое из его учеников (Ю.А. Иоаннесян, М.С. Пелевин) успешно защитили под его научным руководством кандидатские диссертации.

Владимира Васильевича всегда отличала чрезвычайная корректность и чуткость, умение понять любого человека, будь то его непосредственный коллега или представитель иной культуры. Всегда готовый прийти на помощь, он пользовался не только естественным для специалиста такого уровня глубоким уважением, но и неподдельной любовью коллектива и всех, кому приходилось с ним работать.

Ученый ушел из жизни 27 июля 2001 г.

Перу В.В. Кушева принадлежит более 120 печатных работ, среди которых выделим его основные монографии:

Описание рукописей на языке пашто Института востоковедения АН СССР. М.: ГРВЛ, 1976.

Афганская рукописная книга: Очерки афганской письменной культуры. М.: ГРВЛ, 1980.

Гулшан-и Афган: сочинение афганского поэта XVIII в. 'Али-Акбара Оракзая. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003.

Ю.А. Иоаннесян

Владислав Никанорович Горегляд (1932–2002)

Владислав Никанорович Горегляд родился 24 октября в г. Нижнеудинске Иркутской области и до 14 лет воспитывался в семье деда, так как в 1932 г. его отец «был подвергнут высшей мере социальной защиты как враг народа».

Школу окончил в г. Нарва и поступил на Восточный факультет Ленинградского университета на кафедру японской филологии. После окончания в 1956 г. он был взят в Институт востоковедения для инвентаризации японского рукописно-ксилографического фонда. В результате этой, казалось бы, рутинной работы на свет появились шесть выпусков аннотированных каталогов рукописного собрания Института «Описание японских рукописей, ксилографов и старопечатных книг», выходявших с 1963 по 1971 г. и подготовленных в соавторстве с О.П. Петровой, Г.Д. Ивановой и З.Я. Ханиным⁵². Немного ранее, в 1961 г. было опубликовано факсимильное издание восьмой тетради из хранящейся в Институте востоковедения рукописи «Канкай ибун» («Удивительные сведения об окружающих землю морях»)⁵³. Это была первая книга молодого ученого. По странному стечению обстоятельств последней, незавершенной книгой В.Н. Горегляда стал полный перевод и комментарии этой же самой рукописи. Он работал до самого последнего дня, торопился закончить книгу, будучи уже тяжелобольным.

В 60-е годы, на протяжении почти десяти лет, Владислав Никанорович по несколько месяцев в году работал переводчиком на японских рыбоохранных судах, оттачивая и совершенствуя свой японский. Возможно, что интерес к судьбе японских моряков, терпевших кораблекрушения и волею судеб попавших в Россию, возник отчасти и из этого опыта. Он много писал о ранних русско-японских контактах, и одной из последних публикаций стала небольшая брошюра «Японские моряки в России в эпоху Эдо», изданная в Японии (на японском языке) в 2001 г.

Основным направлением исследовательской работы В.Н. Горегляда было изучение традиционной культуры Японии: классической литературы, поэтики, японского буддизма, рукописной книги и ксилографов. По воспоминаниям коллег, рассказывающих эту историю со слов самого В.Н. Горегляда, однажды еще в аспирантские годы между ним и Н.И. Конрадом состоялся разговор, во время которого Н.И. Конрад посетовал, что не видит достойного кандидата, способного взяться за перевод памятника XIV в. «Цурэдзурэгуса». В ответ смущенный В.Н. Горегляд признался, что он уже почти завершил его. В 1965 г. он защитил кандидатскую диссертацию («„Цурэдзурэгуса“ — выдающийся памятник японской эссеистической литературы»), опубликовал блестящий перевод «Записок от скуки» монаха Кэнко-хоси и продолжил работу над темой «Дневниковая и эссеистическая литература X–XIII вв.», завершением которой стали докторская степень и ставшая классикой монография

⁵² Петрова О.П., Горегляд В.Н. Описание японских рукописей, ксилографов и старопечатных книг. Вып. I. М.: ИВЛ, 1963; Петрова О.П., Иванова Г.Д., Горегляд В.Н. Описание японских рукописей, ксилографов и старопечатных книг. Вып. II. М.: ИВЛ, 1964; Петрова О.П., Горегляд В.Н. Описание японских рукописей, ксилографов и старопечатных книг. Вып. III. М.: ГРВЛ, 1966; Петрова О.П., Горегляд В.Н. Описание японских рукописей, ксилографов и старопечатных книг. Вып. IV. М.: ГРВЛ, 1969; Горегляд В.Н. Описание японских рукописей, ксилографов и старопечатных книг. Вып. V. М.: ГРВЛ, 1971; Горегляд В.Н., Ханин З.Я. Описание японских рукописей, ксилографов и старопечатных книг. Вып. VI. М.: ГРВЛ, 1971.

⁵³ Оцуки Сигэтакэ, Симура Кокё. Канкай ибун (Удивительные сведения об окружающих морях). Тетрадь восьмая. Словарь / Издание текста и предисл. В.Н. Горегляда. М.: ИВЛ, 1961 (Памятники литературы народов Востока. Тексты. Большая сер. XVI).

«Дневники и эссе в японской литературе X–XIII вв.»⁵⁴. Именно за эту книгу, равно как и «за ведущую роль в советском японоведении», в 1987 г. В.Н. Горегляду была присуждена японская премия имени Ямагата Банто.

Творчество одного из наиболее известных средневековых поэтов и теоретиков поэзии Ки-но Цураюки стало предметом монографии «Ки-но Цураюки»⁵⁵. За ней последовали многочисленные статьи, среди которых надо особо выделить раздел «Рукописная книга в культуре Японии» из коллективной работы «Рукописная книга в культуре народов Востока»⁵⁶. Еще через несколько лет вышел перевод памятника дневниковой литературы «Кагэро никки» («Дневник эфемерной жизни», X в.)⁵⁷. Монография «Японская литература VIII–XVI вв. Начало и развитие традиций»⁵⁸ стала итогом многолетнего исследования японского литературного процесса и благодаря своему объему, энциклопедическому охвату материала, значимости поставленных проблем, уровню обобщения сразу снискала себе славу классического труда, поставившего В.Н. Горегляда в один ряд с единственным до того времени патриархом отечественного японоведения Н.И. Конрадом. За этой книгой с небольшим интервалом последовали переводы памятников одного из самых трудных для перевода жанров литературы — «гунки» («воинские повествования») — «Хогэн моногатари («Сказание о годах Хогэн»)»⁵⁹, а в 2001 г. была отдана в печать «Тайхэйки» («Повесть о Великом мире»)»⁶⁰.

Список опубликованных трудов В.Н. Горегляда насчитывает свыше 170 наименований, в их числе более десяти монографий. Он был редактором множества сборников, членом всевозможных редколлежий, научных ассоциаций, оппонировал несметному количеству диссертаций. А ведь кроме научной работы он еще преподавал, читая уникальные курсы в университете, среди которых были спецсеминары по японской скорописи, истории буддизма в Японии, поэтике и эстетике японской литературы, переводу японской классической художественной прозы и др. В.Н. Горегляд читал лекции в Восточном институте, руководил работой аспирантов, среди которых были уже такие широко известные ученые, как Г.Г. Свиридов, М.В. Успенский, А.М. Кабанов и др. Научный авторитет В.Н. Горегляда был чрезвычайно велик, его хорошо знали во всем мире. Одним из первых еще в доперестроечное время он начал активный диалог с японской стороной, участвуя в программах Японского Фонда, завязывая контакты с японскими исследователями, которые стали частыми гостями Санкт-Петербургского Института востоковедения.

В 1981 и 1994–1995 гг. он был стипендиатом Японского Фонда, а в 1999–2000 гг. работал в Международном центре по изучению японской культуры в Киото. Его высоко ценили в Японии, свидетельством чему стало награждение В.Н. Горегляда в 1997 г. японским Орденом Восходящего Солнца 4-й степени.

Он для всего находил время, откликнулся на любые, порой самые неожиданные просьбы, мог часами рыться в словарях, помогая студентам и аспирантам в поисках ответов на мучившие их вопросы. В.Н. Горегляд обладал очень редким качеством —

⁵⁴ *Кэнко-хоси*. Записки от скуки (Цурэдзурэгуса) / Пер. с яп., вступ. ст., коммент. и указ. В.Н. Горегляда. М.: ГРВЛ, 1970; *Горегляд В.Н.* Дневники и эссе в японской литературе X–XIII вв. М.: ГРВЛ, 1975.

⁵⁵ *Горегляд В.Н.* Ки-но Цураюки. М.: ГРВЛ, 1983.

⁵⁶ *Горегляд В.Н.* Рукописная книга в культуре Японии // *Рукописная книга в культуре народов Востока*. Кн. 2. М.: ГРВЛ, 1988.

⁵⁷ Митицуна-но хаха. Дневник эфемерной жизни (Кагэро никки). СПб.: Петербургское востоковедение, 1994.

⁵⁸ *Горегляд В.Н.* Японская литература VIII–XVI вв. Начало и развитие традиций. СПб.: Петербургское востоковедение, 1997.

⁵⁹ Хогэн моногатари: (Сказание о годах Хогэн). СПб.: Гиперион, 1999.

⁶⁰ Японские самурайские сказания. СПб.: Северо-Запад Пресс, 2002.

ровным доброжелательным отношением к людям. Не было случая, чтобы он вышел из себя или позволил себе повысить голос на своих подчиненных, напротив, с огромным уважением относился к работе коллег и умел искренне радоваться чужим успехам. При этом он был очень закрытым человеком, тщательно оберегающим от посторонних свою внутреннюю жизнь.

Талант, трудолюбие, любовь к японской культуре, достоинство, порядочность и удивительная доброжелательность сочетались в этом человеке. Но ключом к его характеру можно считать лаконичную фразу, написанную им в одной из анкет в графе «хобби», — «свободного от профессиональной деятельности времени не бывает».

К.Г. Маранджян

Ольга Лазаревна Фишман

(1919–1986)

Ольга Лазаревна Фишман родилась в Одессе 19 июня 1919 г. В 1924 г. семья переехала в Ленинград, и с этим городом связана вся сознательная жизнь Ольги Лазаревны. Поступив в 1937 г. в Ленинградский университет на кафедру китайской филологии, возглавляемую акад. В.М. Алексеевым, она закончила его досрочно и с отличием в 1941 г., а в начале 1942 г. уже ассистентом вместе с университетом выехала в эвакуацию в Саратов. Тогда ее впервые увлекла проблема восприятия европейцами Китая, и первая ее самостоятельная работа «Ли Бо в европейской науке», защищенная в Ленинграде в конце 1946 г. как кандидатская диссертация, была первым подходом к решению этой проблемы. Постановка вопроса требовала разностороннего и глубокого знания различных аспектов не только китайской, но и европейской культуры и общественного сознания. И если знания по Китаю были получены О.Л. Фишман в школе акад. В.М. Алексеева, то другой ее наставник — будущий академик В.М. Жирмунский — был ее постоянным советником по европейским проблемам. С ними Ольгу Лазаревну связывали не только научные интересы, но и многолетняя дружба семьями, особенно близкая — с домом В.М. Алексеева, не прерывавшаяся в самые тяжелые годы. Немалую роль в разработке избранной О.Л. Фишман проблематики сыграли советы и оценки ее мужа — видного германиста А.Г. Левинтона.

Некоторое время Ольга Лазаревна трудилась в коллективе китаистов, составлявших в Институте востоковедения под руководством В.М. Алексеева Большой китайско-русский словарь, а с 1947 г. целиком переключилась на преподавание в университете, где на кафедре китайской филологии вела ряд курсов. Тогдашние ее студенты до сих пор вспоминают ее семинарские занятия, параллельные курсу В.М. Алексеева «Введение в китайскую филологию». В задачу семинара входило ознакомление студентов с широким кругом справочных пособий, с рабочей библиографией китаиста. Сухой предмет в изложении Ольги Лазаревны превращался в серию занимательных и точных характеристик китаеведов и книг, составляя вместе с основным курсом академика разностороннюю картину китайской культуры в целом.

Оставив университет в 1949 г. по причинам, не связанным с ее научной работой, О.Л. Фишман несколько лет преподавала русский язык китайским стажерам, снабжала подстрочниками поэтов-переводчиков. В это же время она упорно трудилась

над переводами китайской литературы, как классической, так и новейшей, обратившись одной из первых в китаеведении к исследованию творчества современных авторов: Лу Синя (к сожалению, сборник не увидел света), У Цзу-сяна, Чжао Шу-ли, Сяо Пина, Тянь Ханя, Цао Юя и др. В 1955 г. вышел сборник «Танские новеллы», ознаменовавший начало нового важного этапа в изучении китайской классической литературы.

Самый плодотворный период творческой жизни О.Л. Фишман начался в 1958 г., когда она приступила к работе в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР. В рамках ранее избранной темы «Восток–Запад» ее увлекла идея изучить историю китайского просвещения; она много времени уделяла теоретическому литературоведению, проблематике сравнительного изучения культур и периодизации истории литературного развития. Под новым углом, в свете концепций, предложенных акад. Н.И. Конрадом, О.Л. Фишман возвращается к вопросам интерпретации Китая на Западе.

В 1958 г. увидела свет биография великого китайского поэта Ли Бо; в 1959 г. — коллективный перевод сложнейшего романа Ли Жучжэня «Цветы в зеркале», где О.Л. Фишман принадлежат виртуозные переводы глав, и по-китайски выглядящих головоломками, и глубокая и яркая по стилю статья-исследование. Переводы «Изречений» Ли Шан-иня (813–858) положили начало исследованию особого афористического жанра *цзацзуань*. Но Ольга Лазаревна уже была увлечена новой, огромной по объему темой, этапами которой являются все ее последующие исследования. Докторская диссертация «Китайский сатирический роман эпохи Просвещения» (защищенная в 1965 г.) и книга с тем же заглавием (1966) были первыми ласточками на этом пути. Далее последовали два капитальных труда, впервые ознакомившие европейского и советского читателя с полными текстами двух выдающихся произведений XVIII в. Сначала вышли в свет «Заметки из хижины Великое в малом» Цзи Юня (1724–1805). Работа была удостоена в 1976 г. премии С. Жюльена французской Академии надписей и изящной словесности; вскоре последовал другой памятник — «Новые записи Ци Се, или О чем не говорил Конфуций» Юань Мая (1716–1796), вышедший в 1977 г. Исследование и перевод сборников Цзи Юня и Юань Мэя легли в основу обобщающей работы «Три китайских новеллиста XVII–XVIII веков» (1980), где третьим из рассмотренных авторов оказался Пу Сун-лин, известный советскому читателю по ставшим классическими переводам В.М. Алексеева, но теперь в сравнительном освещении представший несколько по-новому. Новинкой явились и составленные О.Л. Фишман указатели сюжетов новелл трех авторов.

Переводы, сопровождавшие исследования О.Л. Фишман, были нередко интерпретацией сложнейших по замыслу и структуре текстов, требовавших от переводчика особого мастерства, изобретательности, умения сохранить странности причудливого китайского текста и в то же время сделать его фактом русской литературы. О.Л. Фишман показала себя приверженцем самых высоких традиций советской переводческой школы и по праву стала одним из активнейших членов переводческой секции Ленинградского отделения Союза писателей СССР.

В последние годы жизни Ольга Лазаревна трудилась над обширной монографией «Китай в Европе. Мифы и действительность», которую завершила за два года до смерти. Все читавшие эту работу соглашались в том, что это энциклопедия сведений по избранной теме, не имеющая себе равных в мировой науке. Еще одна монография, посвященная творчеству поэта, писателя, философа, публициста Юань Мэя, осталась незавершенной.

Большие заслуги принадлежат О.Л. Фишман в области организации науки. Она была составителем, редактором многочисленных книг и сборников, автором всту-

пительных статей. Ей принадлежит также большое количество журнальных статей и рецензий, где она выступала и как исследователь, и как строгий, но доброжелательный критик. Но о некоторых ее работах не сказать нельзя. Во-первых, это активное участие в подготовке к печати неопубликованных трудов академика В.М. Алексеева. Во-вторых, взятый на себя добровольный труд по собиранию и изданию работ академика Н.И. Конрада, причем тут она была главным исполнителем. Нужно отметить и ее роль в сборе и оценке наследия безвременно ушедшего Б.Б. Вахтина, ее многолетнюю работу на посту ответственного секретаря серии «Культура народов Востока». С 1960 г. О.Л. Фишман возглавляла в ЛО ИВ АН секцию литературоведения — и новейшие направления в литературоведческой науке стали предметом многочисленных дискуссий среди ее коллег. Кипучая энергия Ольги Лазаревны немало способствовала созданию программы изучения истории культуры Востока. Много лет она возглавляла коллектив китаеведов Отделения, делая объектом своего живого и плодотворного внимания работы по самым различным областям китаеведения.

В.Н. Горегляд, Л.Н. Меньшиков